

Кодъ |

Как контролировать интернет и при чем тут политкорректность

В интернете нет вокзалов, банков, телеграфов, заводов, пароходов, нефтяных вышек, вилл, мостов и автомобилей, которые при желании можно захватить, отжать, отсудить или присвоить. В интернете, в отличие от реальной жизни, нет ничего, кроме информации, поэтому и контролировать можно только ее. С другой стороны, деньги в наше время существуют в виде записей в базах данных, и эти записи перемещаются из одной базы в другую в том же самом цифровом пространстве. Соответственно, если мы хотим получать не только удовлетворение властителя дум, но и вполне осязаемый материальный эффект, помимо самой информации необходимо контролировать еще и каналы, по которым она распространяется. Контроль за информацией дает государству идеологические и политические преимущества. Контроль за каналами пополняет казну и улучшает показатели налоговых сборов.

Чтобы понять механизмы контроля над интернетом (не только, кстати, государственного, но и корпоративного!), придется хотя бы поверхностно разобраться в том, что в семиотике называется коммуникационной цепью, именно эта конструкция описывает распространение информации по любым каналам (не обязательно цифровым). В упрощенном виде «коммуникационная цепь» выглядит следующим образом. Источник информации через передатчик посыпает сигнал по определенному каналу. На другом конце канала сигнал через приемник преобразуется в сообщение для адресата. Поскольку сигнал, путешествуя по каналу, может встретить помехи в виде шумов, сообщение необходимо сделать избыточным, чтобы добиться чистоты передачи.

Каким образом адресат понимает, что сообщение принадлежит источнику, а не является результатом воздействия шумов? Для этого существует код, система договоренностей, которую в равной мере понимает и источник, и адресат.

Еще в 60-е годы прошлого века Умберто Эко обратил внимание на чрезвычайно важную и при этом отнюдь не очевидную особенность «коммуникационной цепи»: сообщение почти всегда является пустой формой, в которую адресат вкладывает разнообразный смысл в зависимости от использованного кода.

Этот код зависит от социального положения адресата, его образования и психологического состояния в момент получения информации. Ошибка политиков, по мнению Эко, заключается в том, что они пытаются контролировать сообщение с

помощью источника и канала, забывая, что оно не более чем пустая форма. Ключ к успеху — контроль кода!

Посмотрим теперь, какие методы доступны государству для осуществления контроля над интернетом. Таковых, собственно, только два.

Запрет — самый примитивный, грубый и — ожидаемо — малоэффективный способ контроля. Неудивительно, что он особенно популярен в маргинальных географических юрисдикциях, безнадежно отставших от технологических трендов.

Унифицированный код, вернее, усилия, направленные государством на формирование в головах подданных такой системы ценностей, табу и приоритетов, которые бы делали их невосприимчивыми ко всякой «крамоле» и обеспечивали «правильные» реакции.

Очевидно, что второй подход предпочтителен, поскольку учитывает азы семиотики, однако же и более сложен, ему нужны кадры и институты, обладающие соответствующей высокой компетенцией.

Надо сказать, что в 90-е годы в России государство не опускалось до грубых запретов, однако же не поднималось и до высот унифицированного кода. В то время российская власть практиковала весьма оригинальный подход, который я определил термином **Васькин синдром** — в честь легендарного кота русского баснописца, который «слушает, да ест».

В 90-е в России интернет существовал сам по себе, а государство — само по себе. Что бы ни писалось в интернете, какие бы болезненные вопросы ни поднимались, какие бы пламенные призывы ни совершались, отечественное государство с деловым равнодушием игнорировало эти виртуальные телодвижения нетизенов, предпочитая сосредотачиваться на разрушении риаллайфа.

Подлинным королем унифицированного кода до самого недавнего времени слыл дядя Сэм, который на протяжении почти полувека энергично вкручивал в головы соотечественников уникальный набор мифов, действуя все существующие каналы распространения информации: прессу, радио, телевидение, политический дискурс, кинематографию.

После рождения World Wide Web, превратившей интернет в самое общирное и массовое информационное поле, американские власти перенесли на него все наработки по формированию унифицированного кода.

Результатом столь высокотехнологичного подхода к вопросу информационного контроля стало уникальное **единомыслие** американского общества (опять-таки — до недавнего времени!), которому могли

И КОТИКИ

гендерном и расовом равенстве — то есть всех мифов, которые 50 лет упорно культивировались Америкой. Единственное, чего нет в апофатическом коде Made In Russia, так это **позитива**, положительной программы действия.

Номинально такой позитив в российском унифицированном коде есть — это **возврат к традициям**. Проблема лишь в том, что данный идеал присутствовал в ведантском индуизме пару-тройку тысяч лет назад (как только индийская цивилизация констатировала окончание золотого века и деградацию человечества), поэтому вряд ли может мотивировать жителей XXI века, обитающих в цифровом пространстве.

Как бы там ни было, но акцент в новом российском коде, изначально задуманном для экспорта, был сделан именно на отрицании стереотипов современного западного общества, а «позитив» домостроения, гомофобии и антимиграционных настроений шел премиальным довеском.

Анонс апофатического унифицированного кода состоялся в 2008 году в риаллайфе, а с 2015-го — широким фронтом началось его наступление в цифровом пространстве.

Запад самым непристойным образом рухнул. Как колосс на глиняных ногах. Быстро и повсеместно: Дональд Трамп, Брексит, Германской альтернатива, Марин ле Пен, Виктор Орбан, Анджей Дуда, Жаир Болсонару — старый унифицированный код сдал позиции на всех континентах, начиная с альма-матер — самих Соединенных Штатов.

Забавно, что поначалу апофатический код пытались внедрить и в самой России. Короткое время казалось, что ему удастся прижиться на просторах местного сегмента цифрового пространства. Однако объективная невозможность выстроить с нуля систему мировоззренческих стереотипов на отрицании обусловила неизбежный результат — апофатический код в Рунете служит сегодня лишь объектом для пародирования.

Провал борьбы за код в коммуникационной цепи российского сегмента интернета вынудил власть вернуться к старомодному контролю за источником и каналами, то есть к политике запретов.

Надо сказать, что пока все чудесно работает. На внутреннем фронте население, похоже, готово принять любой запрет в интернете. Вплоть до полной самоизоляции (судя по статистике, народные массы будут даже рады).

На внешнем фронте с помощью апофатического кода удалось запустить под кожу столько червячков, что не выдержал даже хребет американского единомыслия.

Что будет дальше? По большому счету вопрос риторический. Дальше не будет ничего. Апофатический код на то и апофатический, что в нем нет ни грана позитива. Код отрицания не создает ролевых моделей, без которых невозможно манипулировать общественным сознанием в сколько-нибудь долгосрочной перспективе. Удачно разрушить и развалить — это пожалуйста. Создать новую конструкцию — без вариантов.

Рано или поздно, западный мир опривится от потрясения, избавится от Трампа, Марин ле Пен, Болсонару и создаст новый набор позитивных ментальных конструкций, который очистит сознание от внешнего негатива.

Что касается России, то история не позволяет сомневаться: на запретах далеко не уедешь, поэтому все равно придется изобретать положительный код для внутреннего потребления. Если не получится, ситуация выйдет из-под контроля, и тогда придется либо возвращаться к Васильевскому синдрому (нереально), либо упразднить интернет в принципе (совсем нереально).

Так что, полагаю, впереди у нас сплошной позитив.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ —
специально для «Новой»

позвидовать советские люди даже на пике промывания мозгов в 30-е годы прошлого века.

Высшим достижением американского общества считается полная свобода слова, которая не только допускает постоянное присутствие в публичном контексте диссидентских голосов, но и всячески их поощряет.

Проблема, однако, в том, что голоса «не в струю» не находят своей аудитории, причем не столько потому, что отрезаны от массовых каналов распространения информации, сколько благодаря защитной броне унифицированного кода. Этим кодом насквозь пропитано сознание широких масс населения, неспособного воспринимать все, что противоречит набору культивируемых в обществе мифов. Поэтому игнорируется любое высказывание, отрицающее политкорректность, гендерное насилие над языком, равно как и универсальность демократии американского типа, историческую миссию нации по навязыванию собственной картины мира остальным народам и право меньшинств диктовать всему обществу свои предпочтения.

В самом деле, зачем кому-то затыкать рот, если сообщение — не более чем пустая форма, которая заполняется содержанием, продиктованным унифицированным кодом? Если сообщение соответствует представлениям адресата о том, что хорошо и правильно, оно пропускается внутрь, одобряется и усваивается. Если сообщение противоречит коду, оно просто игнорируется. Вот он — высший пилотаж идеологического контроля!

Эта нирвана продолжалась, как я уже сказал, до самого последнего времени

«Если сообщение противоречит коду, он просто игнорируется. Вот высший пилотаж идеологического контроля! Но это в прошлом. Что в будущем?»

(2015–2016 гг.), после чего случилось страшное: американское единомыслие в одночасье пережило схизму, сопоставимую по разрушительности с гражданской войной. Показательно, что общество раскололось аккурат пополам: одна часть сохранила верность старому унифицированному коду, другая — начала высказывать крамольные мысли, оскверняющие всех священных коров старого менталитета.

Что же случилось? Что сломалось в американском унифицированном коде? Очевидно, что подобный раскол невозможно вызвать извне, поэтому первопричина — в реакции самого американского общества на навязанные ему правящей политической элитой ценности, которые в какой-то момент стали противоречить реальности самым вопиющим образом. Недовольство от несоответствия «высоких идей» повседневному опыту тело давно, а затем неожиданно вылилось в сенсационное голосование 2016 года.

С другой стороны, американское восстание против унифицированного кода произошло столь неожиданно и стремительно, что впору заподозрить наличие

катализатора. На мой взгляд, такой катализатор реально присутствовал, и по имени его назвали сами американские политики. Судя по всему, американский унифицированный код столкнулся с новым кодом, родом из России, и не выдержал удара.

Откуда же взялся этот «российский код»? Мы помним, что все 90-е российская власть провела в состоянии добровольного неведения, происходящего в мировой компьютерной сети. Затем на рубеже веков она пробудилась и, надо отдать должное, не впала по исторической традиции в прогнившую истерику, а принялась обстоятельно изучать опыт американских учителей.

Как следствие, на свет появился унифицированный код, который можно назвать **апофатическим** (от греч. *apophanai* — говорить «нет»), поскольку он основан на отрицании и негативных эмоциях.

Российский универсальный код ведет сугубо подрывную работу, разрушая сложившиеся стереотипные представления о свободе, международном праве, демократии, общественной пользе и вреде,